

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Несчастный случай	3
Таинственные часы	14
Похороны	28
Паутина любви	42
Случай на празднике	55
Отцы и дети	69
Купля	84
Ловушка	101
Юдифь	117
Минако	130
Сердце, окованное латами	146
Преданный рыцарь	162

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В бурю	190
Чары любви	206
Светская львица	225
Вампир	241
Лицом к лицу	253
Объяснение	267
Первая любовь	277

<i>Содержание</i>	383
Поездка в Хаконэ	292
Своеобразный треугольник	305
Ночной разговор	318
Роковая ночь	330
Луч надежды	343
Неожиданная встреча	357
Развязка	367

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Когда проехали Офуну, нетерпение и досада, охватившие Синьитиро, достигли своего предела. До Кодзу оставалось всего несколько маленьких станций, но на каждой поезд останавливался. А Синьитиро так хотелось поскорее увидеть и приласкать свою молодую жену.

Наступил июнь. Зелень гор и лесов, мелькавших за окном вагона, уже утратила свою юную свежесть и теперь не радовала глаз. Только колеблемые легким ветерком молодые побеги сохранили нежно-зеленый цвет.

Весною поезда обычно набиты курортниками, едущими на горячие источники в Хаконэ и на полуостров Идзу. Но весна кончилась, кроме того, уже с неделю стояла дождливая погода. Поэтому в вагоне, кроме Синьитиро, были только пожилые супруги-французы с сыном-подростком, два конторщика в европейских костюмах и какая-то девушка, с виду провинциалка, с матерью. С самого начала внимание Синьитиро привлекли французы, особенно сын, стройный и изящный, как олень, и Синьитиро, любуясь юношей, невольно прислушивался к его разговору с родителями. На сей раз попутчики ничуть не стесняли Синьитиро, не то что курортники, поражавшие своими нарядами из

осима¹ и драгоценностями; они всегда раздражали Синьитиро своей бесцеремонно громкой болтовней, непрерывным чавканьем и неряшливостью.

Солнце клонилось к западу, застывшее в неподвижности море, то появляясь, то исчезая, холодно поблескивало, словно черненное серебро. Гора Амаги утонула в сером сумраке. Вдали, у моря Сагами, плыли на горизонте черные тучи. Был пятый час.

Стоило Синьитиро подумать о том, с каким нетерпением ждет его жена, как ему начинало казаться, что поезд замедляет ход. Он старался подавить в себе беспокойство и в то же время не мог не думать о дожидающейся его сейчас в гостинице в Югаваре любимой Сидзуко с ямочками на румяных щеках, крохотным ртом и маленьким милым носиком. Когда же Синьитиро вспомнил застенчивое выражение на ее лице, он не мог сдержать улыбки умиления. В этот момент юноша-француз обратился к своей матери, но Синьитиро расслышал только слово *тамап*. Остальные пассажиры, видимо, погруженные в свои мысли, не обращали на окружающих никакого внимания.

Поезд с грохотом мчался по сосновому парку, расположенному на берегу моря.

Под мерный стук колес Синьитиро мечтал о любимой. Он вновь и вновь представлял себе, как его юная жена стоит на балконе и ждет его. О чем бы

¹ Шелковая ткань типа чесучи из местности Осима в префектуре Кагосима. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

он ни думал — о свадьбе ли, отпразднованной три месяца назад в деревне, о свадебном ли путешествии в Нара и Киото, совершенном ими по дороге в Токио, — ощущение счастья от сознания, что у него есть Сидзуко, ни на минуту его не покидало. В голове с лихорадочной быстротой проносились мысли о девичьей скромности Сидзуко во время венчания, о ее безграничной доверчивости, о новых достоинствах, которые Синъитиро каждый день обнаруживал в ней, будто в случайно найденном драгоценном камне, и он уже не мог совладать с охватившим его нетерпением как можно скорее погладить нежную, почти прозрачную шею Сидзуко.

«Неужели я не смог вынести и недели в разлуке?» — спрашивал себя Синъитиро, испытывая легкий стыд оттого, что уподобился капризному ребенку. Но ничего удивительного в этом не было: после свадьбы прошло совсем мало времени, и неделя показалась Синъитиро вечностью. Дело в том, что Сидзуко перенесла тяжелое воспаление легких, и врачи рекомендовали отвезти ее на горячие источники. Синъитиро очень не хотелось расставаться с женой. Поехать с женой он не мог, так как перед свадьбой уже брал отпуск чуть ли не на месяц. Он отвез Сидзуко в Югавару со служанкой и вечером вернулся в Токио.

Как раз в тот день, когда он собрался ее навестить, пришло письмо, в котором Сидзуко сообщала, что чувствует себя хорошо.

Может быть, Сидзуко попросит взять ее на воскресенье домой? Хорошо бы, она вышла встретить его на станцию! Нет, ничего подобного ей и в го-

лову не придет. Единственное, на что она способна, — это терпеливо ждать. Стоит сейчас на балконе, смотрит на мост, перекинутый через Фудзики, и с замиранием сердца прислушивается к грохоту колес каждой проезжающей мимо повозки, к шуму каждого автомобиля.

Мысли Синъитиро были прерваны пронзительным свистком паровоза, словно прорвавшимся сквозь нависшие над самым поездом тяжелые тучи. Между соснами видно было, как отражается в обычном для Кодзу хмуром, неприветливом море блеск вечернего неба. Не только море, но и земля была окрашена в тусклые, блеклые тона, будто поздней осенью. Услыхав, что это Кодзу, Синъитиро вне себя от радости вскочил с места.

Поезд дальше не шел, и пассажиров из него будто вымело; Синъитиро вышел последним. Толкотни на станции не было, только у выхода в город теснился народ.

На привокзальной площади Синъитиро увидел трамвай, который шел в Юмото. В нем еще оставались свободные места, не то что в прошлое воскресенье, когда там была настоящая давка. Трамвай тогда еле тащился, со скрежетом подъезжая к каждой остановке. От Одавары, где надо было делать пересадку на Югавару, узкоколейка, извиваясь, как тысяченожка, проходила в горах по самому краю пропасти над морем. До Югавары как-никак три часа езды. А потом надо ехать дилижансом еще полчаса по проселочной дороге. Лишь в девять Синъитиро будет на месте.

Подумав об этом, Синьитиро вспомнил испытанные им в поезде нетерпение и досаду и остановился в унынии, не решаясь сесть в трамвай. В эту самую минуту к нему подошел какой-то человек высокого роста в форменной фуражке и европейском костюме.

— Не угодно ли машину? — спросил он.

Синьитиро обрадовался, как радуются люди, которым в трудный момент вдруг приходят на помощь, но, вспомнив о плате за проезд, ответил весьма сдержанно:

— Пожалуй, я поеду, если это не очень дорого.

— Куда прикажете вас отвезти?

— В Югавару.

— Пятнадцать иен, хотя обычно я беру больше.

Синьитиро не был беден, однако названная сумма отбила у него всякую охоту ехать на машине.

После окончания юридического факультета два года назад Синьитиро поступил на службу в фирму «Мицубиси» и получал вполне приличное жалование, не считая дохода, который приносило имение. Так что общая сумма составляла примерно пятьсот иен в месяц. Но заплатить столько за машину — нет, на это он не пойдет даже ради любимой жены.

Синьитиро под каким-то предлогом отказался от машины и уже хотел сесть в трамвай, но человек в фуражке никак не отставал:

— Прошу вас, подождите минутку! Дело в том, что у меня есть пассажир до Атами. Может, поедете вместе? Тогда это будет стоить вам всего семь иен.

Синьитиро заколебался:

— А что там у вас за пассажир?

Человек в форменной фуражке пошел за пассажиром, которому предстояло стать попутчиком Синъитиро. Глядя ему вслед, Синъитиро размышлял: езды на машине всего тридцать или сорок минут, так что он может не обращать внимания на своего случайного попутчика, и все же ему хотелось, чтобы им оказался человек приятный, а не какой-нибудь надутый, чванливый курортник. «Может быть, это будет толстяк с массивным золотым кольцом, украшенным печаткой, — продолжал гадать Синъитиро, — или, против ожиданий, красивая женщина. Впрочем, вряд ли порядочная женщина поедет одна с незнакомым мужчиной».

Размышляя так, Синъитиро не без любопытства ждал попутчика. Через несколько минут он увидел шофера, за которым шел человек в студенческой фуражке. То, что попутчиком оказался студент, обрадовало Синъитиро, однако он не испытал того неповторимого чувства, которое возникает при встрече с однокашником.

— Простите за задержку, — сказал шофер. — Вот господин, с которым вы будете ехать.

— Я не стесню вас? — весело поздоровавшись, спросил Синъитиро.

Студент ничего не ответил, только вежливо поклонился. От Синъитиро не ускользнуло благородство, сквозившее в каждой черте его лица, — юноша, видимо, происходил из аристократической семьи. О его высоком происхождении прежде всего говорил удивительно тонкий нос и особая мягкость во взгляде, сразу вызывавшая симпатию и распо-

ложение. Одетый в дорогое пальто, с маленьким саквояжем в руках, он буквально поражал своим изяществом.

— Итак, я отвезу вас в Югавару, а затем мы повернем на Атами, — сказал шофер. — Господин был настолько любезен, что согласился.

— Вот и прекрасно, — сказал Синьитиро и вежливости ради обратился к попутчику: — Если, конечно, это вас не затруднит.

Когда они сели в машину, шофер, взявшись за руль, сказал:

— До Атами езды пятьдесят минут, всего на десять минут больше, чем до Югавары.

Он резко засигналил, и машина помчалась по городу, догоняя трамвай.

При мысли о скорой встрече с женой досада и раздражение, охватившие Синьитиро в поезде, бесследно исчезли. При каждом толчке сердце его сладко замирало от ожидания близкого счастья. Студент забился в угол и, хмуря тонкие брови, ни разу даже не взглянул в окно, поглощенный какими-то своими думами.

Так, не проронив ни слова, они доехали до Одавары. Синьитиро очень хотелось заговорить с юношей, к которому он уже успел проникнуться симпатией, но он не решался — такой печальный был у юноши вид.

Сейчас, когда юноша сидел совсем близко, бледное лицо его показалось Синьитиро еще более благородным. В подернутых влагой глазах застыло

горе. И, хотя молчание становилось тягостным, Синъитиро не осмеливался его нарушить.

Наконец, он все же решился и, чтобы начать разговор, задал банальный вопрос:

— Простите, вы тоже приехали с последним поездом?

— Нет, с предыдущим.

Ответ был для Синъитиро несколько неожиданным, и он снова спросил:

— Значит, вы приехали из Токио?

— Да, я жил в Михо. — Тон юноши был скорее деловым, чем взволнованным.

— Вы говорите о сосновом парке Михо?

— Да. Я пробыл там неделю, и мне надоело.

— Вы лечились?

— Не то чтобы лечился... У меня плохо с головой. — Тень пробежала по лицу юноши.

— Неврастения?

— Не совсем. — Уголки губ у юноши устало опустились. Он, видимо, был удручен горем, которое не выразишь словами.

— Вы давно оставили учебу?

— Около месяца.

— Впрочем, на словесном факультете посещение лекций, кажется, необязательно? — сказал Синъитиро, вспомнив замеченный им на воротнике у юноши значок. Синъитиро видел, что юноша совсем не расположен вести беседу, но ему очень хотелось потолковать о литературе, которую он любил с детства, хотя сам окончил юридический факультет. И после короткой паузы он

снова заговорил: — Простите, вы из какого котогакко¹?

— Из токийского, — даже не повернувшись к Синьитиро, ответил юноша.

— Так ведь и я там учился, но вас что-то не помню. Когда вы окончили?

После этих слов в сердце юноши возникло то особое чувство, которое возникает у людей, проживших вместе лучшие годы в одном пансионе и потом неожиданно встретившихся.

— Простите меня, ради бога! — воскликнул юноша. — Я окончил в позапрошлом году. А вы? — Впервые за всю поездку юноша улыбнулся. Улыбнулся грустно, но искренне.

— Я кончил как раз в том году, когда вы поступили, — ответил Синьитиро, — потому и не помню вас.

Синьитиро вынул из бумажника визитную карточку и протянул юноше. На ней значилось: «Синьитиро Ацуми».

— К сожалению, я не взял с собой карточки, — сказал юноша. — Мое имя Аоки Дзюн.

После состоявшегося знакомства оба почувствовали друг к другу расположение, и со стороны могло показаться, что в машине едут давнишние друзья.

Мягкий, наивный и очень застенчивый, юноша в то же время обладал способностью быстро привязываться к людям. Так случилось и на сей раз. Стоило ему узнать, что они с Синьитиро окончили одно

¹ Учебное заведение, нечто среднее между гимназией и университетом.

учебное заведение, как он сразу проникся к нему доверием и как старшему оказывал всяческое внимание.

— Я покинул Токио десятого мая, — стал жаловаться юноша, — чуть ли не месяц скитаюсь по гостиницам, но нигде не могу обрести покоя.

Слушая его, Синъитиро думал о том, что в юношестве часто испытывают тоску, то ли от сложностей жизни, то ли от несчастной любви.

— Я советовал бы вам возвратиться в Токио, — сказал Синъитиро, — ибо на собственном опыте убедился, что только шум и суета большого города могут восстановить душевное равновесие. Поверьте, и в горах, и у моря с особой остротой ощущаешь одиночество и тоску.

— Обстоятельства не позволяют мне вернуться в Токио, — ответил юноша. — Жизнь там превратилась для меня в настоящую пытку.

Юноша снова умолк. Глядя на него, Синъитиро испытывал острую жалость: он понял, как глубока рана в сердце этого молодого человека.

Посмотрев в окно, они обнаружили, что Одавара осталась далеко позади и теперь машина мчалась вдоль узкоколейки по самому краю пропасти. Внизу пенились, разбиваясь о берег, волны Тихого океана. Там, где берег был более пологим, террасами располагались сады с мандариновыми деревьями. Дурманящий аромат их цветов ощущался даже в машине.

— Хорошо бы приехать в Атами засветло, — сказал через некоторое время Синъитиро.

— Мне безразлично. Можно остановиться и в Югаваре, если не поспеем в Атами.

— Тогда остановимся в Югаваре. Я рад нашему знакомству и охотно побеседую с вами.

— Вы надолго в Югавару?

— Нет, еду за женой.

— За женой? — Тень пробежала по лицу юноши.

Дорога была опасной, но шофер, совершавший в день несколько поездок по этому маршруту, смело вел машину, радуясь, что здесь нет препятствий, которые на каждом шагу встречаются в Токио. Он так резко поворачивал руль, что у путников дух захватывало. Вдруг в горах эхом прокатился грохот, заглушивший шум мотора. «Уж не поезд ли это?» — подумал юноша.

Грохот все приближался и приближался. На очередном повороте путники увидели совсем близко поезд. Изрыгая дым и пыхтя, он походил на извивающееся чудовище. Считая поезд анахронизмом, шофер до такой степени презирал его, что не счел даже нужным убавить скорость и решил проскочить вперед, не сразу сообразив, что узкоколейка здесь вплотную подходит к горному озеру и дорога чересчур узка. Когда же он это понял, было поздно.

— Дурак! Что ты делаешь?! — донеслось до шофера.

Шофер растерялся и резко повернул руль, чудом избежав столкновения с поездом. Синьитиро перевел было дух, но в тот же момент, потеряв управление, машина понеслась к обрыву высотой около ста футов, по краю которого рос бамбук. На сей раз шофер перепугался и стал что-то бессвязно бормотать, заматавшись на своем сиденье. Тем не менее он сде-

лал последнее отчаянное усилие и не дал машине свалиться вниз. Он снова резко повернул, машина врезалась в скалу, и Синъитиро услышал страшный скрежет. В следующий момент его стало бросать из стороны в сторону. У Синъитиро потемнело в глазах, мысли путались. Когда же наконец он пришел в себя, то с трудом разогнулся, пощупал голову, грудь и убедился, что цел и невредим, только голова все еще кружилась. Он огляделся и увидел, что его попутчик наполовину вывалился наружу сквозь приоткрытую дверцу машины.

— Что с вами, что с вами? — Синъитиро хотел втащить юношу в машину, но тот застонал так, что Синъитиро похолодел. — Послушайте!.. Послушайте! — громко крикнул Синъитиро.

Никакого ответа, только стоны, едва слышные, терзающие душу. Напрягши все силы, Синъитиро все же втащил юношу в машину и заметил, что лицо его приобрело какой-то неприятный синеватый оттенок. Из уголка рта по подбородку стекала струйка крови темного цвета, что особенно испугало Синъитиро, поскольку цвет крови свидетельствовал о серьезном повреждении внутренностей.

ТАИНСТВЕННЫЕ ЧАСЫ

Тем временем шофер, которого выбросило из машины, с трудом поднялся с земли. Смертельная бледность покрыла его лицо, лоб был сильно поцарапан. С опаской заглянув в машину, он спросил:

— Вас не ранило?

— Дурак! — крикнул Синьитиро, уверенный в полной виновности шофера. — Если бы только ранило! Случилось несчастье!

Державшийся дрожащими руками за дверцу машины, шофер был до того подавлен, что не мог ничего сказать, лишь издавал какие-то нечленораздельные звуки.

Как ни старался Синьитиро, ему не удалось привести юношу в сознание. Струйка крови, стекавшая по подбородку, становилась все шире, увеличивалась отечность правой щеки.

— Гони что есть духу в Одавату! — обратился Синьитиро к растерянному шоферу. — Ему нужна срочная медицинская помощь, иначе он погибнет.

Словно очнувшись от сна, шофер быстро сел за руль, но отказал мотор, передние колеса были погнуты.

— Машина испортилась... — срывающимся от волнения голосом виновато сказал шофер.

— Тогда необходимо где-нибудь поблизости найти врача. Отсюда недалеко до Манадзуру. К тому же надо заявить в полицию и, если это возможно, позвонить по телефону в Одавату, чтобы немедленно прислали машину.

Повинуясь Синьитиро, шофер побежал выполнять его поручения. Юноша между тем продолжал агонизировать. Глаза его закатились. Синьитиро, приподняв юношу, напряженно всматривался в его лицо, но ничем не мог помочь: смерть подступала все ближе и ближе. Исполненный жалости, Синьитиро